

Перспективы и ограничения участия России в региональных и глобальных цепочках стоимости

УДК 339.5
ББК 65.428
Б-201

Г.В. Баландина,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации - старший научный сотрудник,
Центр поддержки внешнеэкономической деятельности - руководитель;
А.Н. Спартак,
Член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки России,
Всероссийская академия внешней торговли, кафедра международной
торговли и внешней торговли РФ - зав. кафедрой

Аннотация

В статье рассматриваются различные аспекты интеграции России в системе международного производства. Показаны количественные и качественные параметры участия России в трансграничных цепочках стоимости, в том числе в рамках Евразийского экономического союза. Специальное внимание уделено рассмотрению внешнеторгового регулирования чувствительного для включения страны в глобальные цепочки стоимости: вопросам эффективной тарифной защиты, таможенного регулирования (в т. ч. применению режима переработки на таможенной территории), упрощения процедур торговли, внедрения технологии «единого окна» для внешнеторговых операций, участия России и ЕАЭС в преференциальных торговых соглашениях с третьими странами и др. Дана оценка механизмов содействия промышленной кооперации и субконтракции в ЕАЭС, предложены меры по формированию особого преференциального режима для кооперационной продукции в рамках ЕАЭС. Сделан вывод, что Россия располагает потенциалом для расширения участия в региональных и глобальных цепочках стоимости, но для его реализации требуется институциональная и регуляторная настройка на национальном и наднациональном уровнях.

Ключевые слова: глобальные цепочки стоимости (ГЦС), добавленная стоимость, упрощение процедур торговли, торговые соглашения, промышленная кооперация, кооперационная продукция.

Prospects and limitations of Russia's participation in regional and global value chains

G. V. Balandina,

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) -
Senior researcher, Center for support of foreign economic activities - the Head,*

A. N. Spartak,

Corresponding member of the Russian Academy of Sciences,

Doctor of Economic Sciences, Professor,

Honored Worker of Science of RF, Russian Foreign Trade Academy,

Department of international trade and foreign trade of the RF - the Head,

Abstract

The article explores various aspects of Russia's integration into the international production system, describes quantitative and qualitative parameters of country's participation in cross-border value chains, including within the Eurasian economic union. Special attention is paid to foreign trade regulations sensible to Russia's engagement in global value chains: issues of effective protection rates, customs regulation (i.a. application of customs processing procedure on the customs territory), trade facilitation, implementation of a "single window" technology for foreign trade operations; Russia's and EAEU involvement in preferential trade agreements with third countries, etc. An assessment is made regarding mechanisms for the promotion of industrial cooperation and subcontracting activity in the EAEU, with the measures for introducing special preferential treatment in respect of cooperation products on the common market being suggested. The authors come to the conclusion that Russia's potential for increasing its participation in regional and global value chains is subject to institutional and regulatory adjustments both at national and supranational levels.

Keywords: global value chains (GVC), value added, trade facilitation, trade agreements, industrial cooperation, cooperation products.

Для России, решающей задачи диверсификации и повышения устойчивости национального экспорта, привлечения в отечественную экономику современных технологий и компетенций, расширение и рост эффективности участия в региональных и глобальных цепочках стоимости представляет высокий интерес.

В рамках глобальных цепочек стоимости (ГЦС), когда товары и услуги пересекают границу в качестве промежуточного вклада для использования в производственном процессе за рубежом и последующего экспорта в третьи страны, в начале текущего десятилетия осуществлялось примерно 50% международной торговли в терминах добавленной стоимости против 36% в 1995 г.¹ Для обмена продукцией

¹ International Trade Statistics 2015. WTO, 2015. P. 150. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/its2015_e/its15_toc_e.htm (дата обращения 10.10.2017).

обрабатывающей промышленности показатель вовлеченности в ГЦС будет выше на 7-8 процентных пунктов. Эксперты отмечают некоторое снижение интенсивности торговли в рамках ГЦС к середине 2010-х годов, поскольку крупнейшие хабы для ГЦС, прежде всего США и Китай, стали формировать более длинные цепочки добавленной стоимости на своей территории, что связано с решением внутриэкономических задач, а также усилением протекционизма и повышением рисков в международной торговой системе. Еще одна причина – увеличение спроса в динамичных развивающихся государствах так называемого второго эшелона на продукцию базового, инфраструктурного и инвестиционного потребления, полностью используемую в стране импорта на внутренние нужды.

Характерно, что доля услуг в глобальном экспорте добавленной стоимости в 2,5 раза выше, чем в валовом мировом экспорте: соответственно около 50% и порядка 20%. Особенно велик этот показатель у развитых стран – достигает 55% для США и почти 70% для Нидерландов. Большое значение услуг в торговле добавленной стоимостью отмечается во всех секторах хозяйства. Например, удельный вес услуг в добавленной стоимости мирового агропродовольственного экспорта в начале 2010-х годов составлял 38%, в том числе 18,5% приходилось на транспортные и дистрибьюторские услуги, 7,5% – на услуги в области НИОКР и прочие деловые услуги.²

В международной торговле промежуточными товарами (по методологии ВТО, без топлива), осуществляемой в рамках ГЦС, лидируют ЕС, Китай и США – в сумме на них падало свыше 57% совокупного экспорта и 56% импорта промежуточных товаров в 2015 г. Большие объемы экспортно-импортных операций с промежуточными товарами приходятся на страны Восточной и Юго-Восточной Азии (особенно на Японию, Республику Корея, Сингапур, Тайвань, Малайзию, Таиланд), Канаду, Мексику, Индию. То есть сильнее других в торговлю промежуточной продукцией вовлечены крупнейшие и крупные хабы для ГЦС, что вполне закономерно.

Таблица 1

Основные мировые экспортеры промежуточных товаров

Страны и объединения	Стоимость, млрд долл.	Доля в соответствующем мировом итоге, %		
		2005 г.	2010 г.	2015 г.
ЕС – 28, в т. ч. экспорт за пределы ЕС	2421 893	41,0 13,4	35,9 12,6	33,7 12,4
Китай	961	6,6	9,6	13,4
США	723	11,4	10,2	10,1

² World Trade Statistical Review 2017. WTO, 2017. P. 43. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/statis_e.htm (дата обращения 10.10.2017).

Страны и объединения	Стоимость, млрд долл.	Доля в соответствующем мировом итоге, %		
	2015 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.
Япония	331	6,9	6,5	4,6
Республика Корея	301	3,3	3,8	4,2
Тайвань	202	2,7	2,9	2,8
Сингапур	201	3,1	3,1	2,8
Канада	183	3,5	2,7	2,5
Швейцария	166	1,3	1,4	2,3
Мексика	150	1,9	1,6	2,1
Бразилия	127	1,5	2,0	1,8
Индия	125	1,2	1,7	1,7
Малайзия	117	1,7	1,8	1,6
Таиланд	102	1,2	1,5	1,4
Австралия	101	1,1	1,7	1,4
Россия	92	1,4	1,2	1,3

Источник: World Trade Statistical Review 2017. WTO, 2017. P. 143, 167, 168. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/statis_e.htm (дата обращения 10.10.2017).

Значительный объем новой аналитической и статистической информации о функционировании ГЦС содержится в коллективном докладе группы Всемирного банка, ОЭСР, ВТО и ряда других организаций «Измерение и анализ влияния ГЦС на экономическое развитие» (2017).³ Исследование, в методологической части несколько отличающееся от более ранних работ и расчетов по ГЦС, разделяет ГЦС на простые, где добавленная стоимость пересекает национальные границы только один раз в процессе производства, а также сложные ГЦС, в рамках которых добавленная стоимость, воплощенная в товарах и услугах, пересекает национальные границы, как минимум, дважды. В период 1995-2014 гг. в общем объеме международной торговли добавленной стоимостью в рамках ГЦС доля сложных ГЦС возросла с менее 31% до 39%. В структуре глобального ВВП сегодня около 80% приходится на добавленную стоимость, создаваемую и потребляемую внутри стран (85% в 1995 г.), 7% представлено добавленной стоимостью продукции, полностью произведенной в одной стране и потребленной в другой стране, и еще 13% приходится на торговлю добавленной стоимостью в рамках ГЦС (простых и сложных).⁴ Отмечается, что развивающиеся страны, более глубоко вовлеченные в ГЦС, отличает сравнительно низкая удельная стоимость рабочей силы (отношение

³ Global Value Chain Development Report 2017. Measuring and analyzing the impact of GVCs on economic development. The World Bank, 2017. – 189 p. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/reser_e.htm (дата обращения 23.10.2017).

⁴ Ibid, 2017, p. 43.

средней зарплаты к подушевому ВВП), но совсем не обязательно низкая зарплата как таковая, поскольку участие в ГЦС сопровождается ростом специализации и производительности труда.

По данным ВТО, показатель включенности в ГЦС для России немного выше среднемирового – более 52% всего национального экспорта в терминах добавленной стоимости в начале 2010-х годов, из которых 38-39% приходится на поставки промежуточной продукции в зарубежные страны, где она перерабатывается и далее вновь экспортируется, и 14% падает на стоимость импортных компонентов, используемых Россией для производства готовой и промежуточной продукции для экспорта (последний показатель можно также интерпретировать как уровень участия страны в вертикальной специализации производства).

В секторальной структуре экспортируемой Россией добавленной стоимости по состоянию на 2011 г. 27,5% составляли первичные продукты, 26% – товары обрабатывающей промышленности, 46,5% – услуги. По первичным продуктам показатель ожидаемо значительно выше среднемирового (более чем вдвое), по услугам немного ниже среднемирового, но в 3,5-4,5 раза превосходит относительную значимость услуг в суммарном национальном экспорте товаров и услуг (10-15% в 2011-2016 гг.).

Обобщенных количественных оценок вовлеченности в ГЦС, как правило, недостаточно. Участие в ГЦС по эффективности и качеству на практике заметно различается для разных стран. Так, для России главное направление включения в ГЦС – экспорт первичных ресурсов и базовых промышленных полуфабрикатов для их последующей переработки, увеличения стоимости и дальнейшего продвижения в рамках международных производственных систем (*forward participation*). Импорт же зарубежных компонентов в своей массе пока слабо связан с использованием в экспортно-ориентированном производстве, а в основном, уже в составе готовой продукции, направляется на внутренний рынок.

Поэтому важно именно качество участия в ГЦС. Некоторые положительные подвижки здесь есть. В середине 2010-х годов достигнут пик экспортных поставок частей и комплектующих продукции машиностроения – 3,4-3,5 млрд долл. (в 2015 г. – 13,5% всего машинно-технического экспорта – рекордный показатель для современной России). Продукция иностранных дочерних компаний и сборочных производств, включенных в ГЦС, в последние годы в заметных объемах направлялась на экспорт, прежде всего в беспошлинную зону СНГ. Благодаря этому Россия в 2013-2014 гг. вывозила потребительских изделий на сумму около 15 млрд долл., включая легковые автомобили, телевизоры, отдельные виды бытовой техники. Однако, кризис в Украине серьезно ухудшил ближайшие и среднесрочные перспективы подобной деятельности.⁵

⁵ Международная торговля: вчера, сегодня, завтра: монография/колл. авторов; отв. ред. А.В. Шишкин. – Москва: РУСАЙНС, 2017, с. 54.

Более широкое включение российских компаний в ГЦС требует создания специализированных интегративных инструментов поддержки (например, совместных центров инвестиционного и производственного проектирования с зарубежными странами, комплексных схем привлечения отечественных субподрядчиков к реализации крупных проектов российских флагманских компаний за рубежом), а также регуляторной настройки, предполагающей минимизацию зависящих от России и ЕАЭС транзакционных издержек функционирования ГЦС – таможенных, административных, транспортно-логистических.⁶

Актуальная задача – выстраивание таможенно-тарифной политики по принципу эффективной тарифной защиты, что будет стимулировать вовлечение российских компаний в трансграничные цепочки добавленной стоимости. Проведение политики эффективной тарифной защиты требует учета производственных взаимосвязей конкретной отрасли с другими отечественными и зарубежными отраслями промышленности, уровней тарифов не только на готовую продукцию, но и на используемые для ее производства импортные компоненты.

По оценке ВАВТ на начало текущего десятилетия, ключевые экспортно-ориентированные отрасли стран ЕАЭС, включая металлургическую и химическую, отличаются высоким уровнем эффективной тарифной защиты. Такая ситуация создает антиэкспортное смещение и стимулирует импортозамещающую деятельность в отраслях, конкурентоспособных на глобальном рынке, что не всегда оправдано с точки зрения текущих и долгосрочных национальных интересов. Аналогичный высокий уровень эффективной тарифной защиты характерен для транспортного машиностроения, на уровне близком к эффективному находится тарифная защита деревообрабатывающей промышленности и производства машин и оборудования (кроме транспортного).

В свою очередь, по расчетам ВАВТ, производство электронного и оптического оборудования недозащищено для всех экономик стран – членов ЕАЭС, где импортный тариф на компоненты не обеспечивает эффективного повышения добавленной стоимости на стороне производителей готовой продукции. В предельном случае, когда импортный тариф на компоненты выше тарифа для конечной продукции, возможно возникновение отрицательной эффективной тарифной защиты для отдельных товарных групп. Подобный эффект неверно оцененной межотраслевой конкуренции приводит к потерям в соответствующих отраслях и снижению их конкурентоспособности на внутреннем и внешних рынках.

С точки зрения формирования стимулирующей среды для ГЦС в глобальном масштабе важным событием стало заключение в декабре 2013 г. первого с момента создания ВТО многостороннего соглашения – Соглашения об упрощении процедур торговли (Trade Facilitation Agreement – TFA). По мнению Генерального ди-

⁶ Спартак А.Н. Возможности российской экспортной экспансии и ее государственная поддержка//Российский внешнеэкономический вестник. 2017, № 5, с. 3-18.

ректора ВТО Р. Азеведо, полнообъемная реализация ТФА может оказать больший эффект на международную торговлю, чем ликвидация всех сохраняющихся таможенных тарифов.⁷

По оценкам экспертов, привлеченных ВТО, полная имплементация ТФА может привести к снижению транзакционных издержек торговли в среднем на 14,3%. Расчеты на основе модели общего равновесия показывают, что реализация ТФА позволит увеличить глобальный экспорт в диапазоне от 0,75 до 1 трлн долл. в зависимости от полноты и скорости имплементации Соглашения. Предполагается, что ТФА окажет позитивное влияние на общую траекторию развития мировой экономики, а именно в период 2015-2030 гг. может ежегодно обеспечивать дополнительные 2,7% расширения мирового экспорта и более 0,5% увеличения глобального ВВП (почти 0,9% для развивающихся и около 0,25% для развитых стран). Расчеты с применением гравитационной модели дают более высокие оценки роста мирового экспорта в результате имплементации ТФА – в диапазоне от 1,1 до 3,6 трлн долл.⁸

Имплементация положений ТФА на практике имеет, очевидно, большой потенциал для расширения участия российского бизнеса в ГЦС. Россия ратифицировала данное Соглашение в 2016 г.⁹, с 1 января 2018 г. вступит в силу новый Таможенный кодекс ЕАЭС, завершается подготовка новой редакции Закона о таможенном регулировании в РФ. Последние два документа в основном соответствуют букве Соглашения об упрощении процедур торговли, но не его духу.

Например, в статье 3 ТФА говорится о предварительных решениях таможенных органов, призванных обеспечивать стабильность применения таможенных правил. В новом ТК ЕАЭС установлено, что изменения принятых решений вступают в силу с момента их принятия таможенным органом, а не извещения заинтересованных участников ВЭД. Формально норма ТФА о недопущении ретроспективного изменения соблюдена, но неопределенность для предпринимателей осталась. Рекомендация ТФА о расширении сферы применения предварительных решений за рамки только классификации и происхождения товаров целиком отнесена в будущее.

Статья 7 ТФА рекомендует вначале выпуск товаров в свободное обращение, а потом уже урегулирование вопросов уплаты таможенных платежей. В готовящейся новой редакции Закона о таможенном регулировании в РФ выпуск увязывается с авансовыми платежами, а перенос проверки правильности расчета таможенных

⁷ World Trade Report 2015. WTO, 2015/Foreword by the WTO Director-General. P. 3. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/world_trade_report15_e.pdf (дата обращения 11.10.2017).

⁸ World Trade Report 2015. WTO, 2015/Conclusions. P. 134. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/world_trade_report15_e.pdf (дата обращения 11.10.2017).

⁹ Федеральный закон от 02.03.2016 г. № 38 – ФЗ «О принятии Протокола о внесении изменений в Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации».

платежей на этап после выпуска товаров обусловлен предоставлением финансовых гарантий в максимальных размерах на каждую поставку, и даже не банковской гарантией, а денежным залогом.

До сих пор не найдены решения очень важная для участия России в региональных и глобальных цепочках стоимости проблема применения нулевой ставки НДС при экспорте продукции, полученной в таможенных процедурах переработки на таможенной территории и свободной таможенной зоны. Эти процедуры допускают ввоз материалов, сырья, комплектующих для производства экспортируемых продуктов без уплаты пошлин и импортного НДС, но при вывозе изготовленной продукции компании будут нести потери на обложении НДС (в отличие от экспорта в обычном режиме, а также оказания услуг по переработке товаров по заказу иностранных лиц (толлинга), проведения ремонта и обслуживания техники, где применяется ставка НДС в размере 0 процентов).

Данные об использовании таможенной процедуры переработки на таможенной территории в 2016 г. демонстрируют, что процедура применяется, прежде всего, для технического обслуживания и ремонта транспортной техники (подавляющая часть воздушных судов, эксплуатируемых отечественными авиакомпаниями, является авиатехникой иностранного производства в лизинге), а также для переработки сырья.

Таблица 2

Основные отрасли, где использовался режим переработки на таможенной территории в 2016 г.

Вид деятельности компаний, применяющих режим	Стоимость, млн долл. США	Доля, %
Перевозка воздушным пассажирским транспортом	962,7	34,3
Производство алюминия	621,8	22,1
Ремонт и техническое обслуживание судов и лодок	320,7	11,4
Производство турбореактивных и турбовинтовых двигателей и их частей	161,3	5,7
Производство прочих цветных металлов	105,3	3,7
Ремонт и техническое обслуживание летательных аппаратов, включая космические	89,7	3,2
Иные отрасли	547,1	19,6
Всего	2 808,6	100,0

Источник: Доклад Российского экспортного центра и Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации «Применение режима переработки на таможенной территории в России: проблемные вопросы для экспортеров». Июль 2017, с. 13. – URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/13971.pdf> (дата обращения 21.10.2017).

Другим сдерживающим фактором для широкого применения процедуры переработки и размещения экспортно-ориентированных производств в зонах с особым предпринимательским режимом (ОЭЗ, ТОР, СПВ Владивосток) является неоправданно сложное таможенное администрирование. Соблюдая условие идентификации иностранных товаров в продуктах их переработки, таможенные органы требуют зафиксировать каждую единицу ввезенного товара и показать ее наличие в составе конкретной партии изготовленной продукции, пренебрегая возможностью проведения контроля по документам учета предприятий. Для развития ГЦС полезно использовать международный опыт применения таможенных правил. Например, Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур¹⁰ предусматривает, что возможность установления наличия ввезенных товаров в продуктах переработки не должна рассматриваться как необходимое условие применения режима в тех случаях, когда товары могут быть идентифицированы путем предоставления подробных данных о затраченных ресурсах и технологии производства продуктов переработки или путем осуществления таможенного контроля во время проведения операций по переработке.

Наконец, у таможенных органов, эффективность работы которых оценивается суммой собранных таможенных платежей, отсутствует мотивация в создании комфортных условий для беспрепятственного ввоза товаров в каких бы то ни было целях.

Масштабной задачей в контексте конкурентного включения российских компаний в ГЦС является модернизация управления таможенной и транспортно-логистической системами страны на основе цифровых технологий путем внедрения комплексных решений в сфере электронной таможни, цифровых транспортных коридоров и электронной логистики, а также гармонизации стандартов функционирования данных систем с аналогичными системами пограничных и транзитных стран. Суть этой деятельности в обеспечении беспрепятственного, быстрого и экономичного перемещения грузов, в том числе в международном сообщении, за счет однократности предоставления информации, взаимного признания таможенных документов и финансовых гарантий, унификации формата сведений в электронном виде, пересмотра и отмены устаревших требований, установленных в век бумажных технологий контроля. Результатом станет снижение транзакционных издержек для участников ВЭД и в рамках ГЦС, сокращение сроков прохождения грузов по основным транспортным магистралям, недопущение задержки грузов в логистических хабах и пунктах пропуска, в том числе в морских портах. Большое значение имеет полномасштабное внедрение технологии «единого окна» при совершении внешнеторговых операций, когда участникам ВЭД предоставляется возможность однократного представления всех необходимых документов в электронном виде в единую базу данных, держателем которой выступает ФТС.

¹⁰ Рекомендуемое правило 7 Главы 1 Специального приложения «F» к Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур в редакции Брюссельского протокола 1999 г. Россия присоединилась к Конвенции в 2010 г.

Снижение внешнеторговых барьеров, влияющих на скорость перевозки и уровень издержек, является чувствительным для стимулирования востребованности и привлекательности сухопутных транспортных путей, для интеграции России и других государств ЕАЭС в международные транспортные коридоры, мегапроект «Один пояс и один путь». Помимо решения проблем транспортной инфраструктуры, необходимо создавать условия для складской деятельности (таможенные, бондовые и консигнационные склады), оказания финансовых услуг, развития электронной торговли.

Это даст совокупный рост экспортной конкурентоспособности, облегчит вхождение отечественных компаний в трансграничные цепочки добавленной стоимости, повысит доступность и привлекательность кооперационных форм внешнеэкономической деятельности для большого числа МСП.

Ключевое условие углубления и повышения эффективности участия в ГЦС – формирование системы преференциальных торговых соглашений со значимыми зарубежными партнерами, что позволяет снимать барьеры на пути кооперационной продукции, гармонизировать внутренние правила и процедуры.

В настоящее время действует соглашение о свободной торговле России в составе ЕАЭС с Вьетнамом. Официально запущены переговоры о ЗСТ с Израилем, Индией, Ираном, Сингапуром, Египтом. Изучаются возможности формирования ЗСТ с рядом других государств, а также потенциал создания совместных индустриальных зон с участием России на территории Египта и Вьетнама для реализации в том числе сборочных, кооперационных проектов с последующим выходом на рынки третьих стран.

Ведется работа над Соглашением о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР, пока без преференциальной составляющей. Обсуждается широкий комплекс вопросов таможенного и нетарифного регулирования, упрощения процедур торговли, применения технических, санитарных и фитосанитарных, экологических норм, конкуренции, защиты интеллектуальной собственности, электронной торговли, др. Предполагается, что данное соглашение создаст благоприятные условия для реализации совместных проектов, формирования панъевразийских цепочек добавленной стоимости в рамках инициативы сопряжения строительства ЕАЭС и китайского мегапроекта «Один пояс и один путь» (в настоящее время в формате сопряжения рассматривается около 200 совместных проектов).

Повышению эффективности работы на треке торговых соглашений России и ЕАЭС с третьими странами препятствует дефицит полномочий и механизмов ЕЭК в сфере выработки и проведения общей торговой политики, тем более с широкой переговорной повесткой.¹¹

¹¹ Спартак А.Н. Торговая политика в интересах экономического роста//Международная экономика. 2016, № 11, с. 40.

Одно из решений – формирование института подразумеваемой компетенции для сферы торговых переговоров с внешними партнерами. Это подразумевает, что, если та или иная деятельность в рамках ЕАЭС осуществляется в форматах общих политик и рынков, то соответствующая деятельность при согласии сторон может становиться объектом переговоров ЕЭК с третьими странами. Ограничение переговорной повестки Союза практически только вопросами торговли товарами, из-за отсутствия необходимых компетенций в других областях, существенно сужает переговорный маневр, где достижение баланса интересов требует многочисленных асимметричных разменов, и по сути не соответствует интересам государств ЕАЭС, в большом числе случаев рассчитывающих на расширение инвестиционного сотрудничества, открытие рынков услуг и электронной коммерции, др. В сложившихся условиях некоторые участники объединения склонны вести самостоятельные переговоры по таким вопросам, что ведет к рассогласованности позиций на внешнем треке и в перспективе – формированию различающихся режимов деятельности на внешних рынках для отдельных государств ЕАЭС.¹²

Требуется обеспечить условия и механизмы для выработки консолидированной повестки в отношениях с третьими странами и ее согласованного продвижения на торговых переговорах, включая создание специального постоянно действующего механизма подготовки к торговым переговорам с соответствующими полномочиями представителей сторон и ЕЭК. Такой механизм в том числе позволит сдерживать действия национальных отраслевых лоббистов, затрудняющие формирование сбалансированной переговорной позиции.

Одно из серьезных ограничений евразийской экономической интеграции в рамках ЕАЭС связано с низким уровнем промышленной кооперации стран-участниц. По расчетам Аналитического центра по внешней торговле Минпромторга России, доля валовой добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности, создаваемой за счет региональных производственных цепочек в ЕАЭС, в период 2010-2013 гг. находилась на уровне немногим более 2% для России, увеличилась с менее 5% до примерно 6% для Армении, оставалась в пределах 5,5-5,6% для Кыргызстана, повысилась с 7,5% до 8% для Казахстана. Добавленная стоимость

¹² Россия в рамках концепции Евразийского всеобъемлющего партнерства параллельно с работой на треке Соглашения ЕАЭС–КНР готовит технико-экономическое обоснование двустороннего Соглашения РФ–КНР, которое должно быть представлено руководству стран в начале 2018 г. и включает вопросы торговли услугами, инвестиций, широкую регуляторную повестку (во многом дублирующую соответствующие положения Соглашения ЕАЭС–КНР) с акцентом на упрощение процедур торговли. Нескоординированное, разнотемпное развитие договорно-правовой базы отдельных стран ЕАЭС с ЕС (Казахстан уже заключил Новое базовое соглашение с ЕС, в ближайшее время это сделает Армения, у других стран ЕАЭС такие соглашения отсутствуют) на практике может и скорее всего будет создавать в двусторонних отношениях между Астаной, Ереваном и Брюсселем более благоприятные условия, чем те, которые существуют у ЕС с другими странами ЕАЭС.

в конечной продукции российского производства по группам «металлы и изделия из металлов», «машины и оборудование (кроме транспортного)» в 2013 г. только на 1% (1,3% и 0,8% соответственно) происходила из партнеров по ЕАЭС. В экспорте продукции обрабатывающей промышленности России в 2013 г. добавленная стоимость из других стран ЕАЭС составляла лишь 0,7% (около 4% из ЕС и еще 17% из прочих стран), Армении – 3,2% (6% и 20%), Казахстана – 7,6% (примерно 3% и 11%).¹³

В принципе механизмы содействия развитию кооперации и субконтракции в ЕАЭС уже формируются. Эта работа включает создание системы внутрисоюзной кооперации и субконтракции, запуск евразийских технологических платформ, а также выявление отраслей промышленности Союза, обладающих кооперационным потенциалом.

Создание евразийской сети промышленной кооперации и субконтракции осуществляется на основе Концепции, утвержденной Советом ЕЭК 21 декабря 2016 г. Для этого формируется единый реестр промышленных предприятий государств-членов, являющийся ключевым информационным ресурсом для поиска потенциальных партнеров и поставщиков в рамках субконтрактных заказов. Данная сеть видится в качестве сегмента действующей интегрированной, информационной системы ЕЭК с возможным выходом на существующие информационные ресурсы уполномоченных министерств стран-участниц. Наполнение единого реестра будет осуществляться национальными центрами субконтракции, учреждаемыми в формате ГЧП, предоставляющими также консультационное и организационное сопровождение процесса кооперации. Важной функцией ЕЭК станет обеспечение разработки единых цифровых стандартов передачи технологической документации в евразийской сети субконтракции. Запуск пилотного проекта намечен на первый квартал 2018 г., запуск всей системы – к началу 2019 г.

Механизмом содействия кооперации заинтересованных государств ЕАЭС в научно-технической, инновационной и производственно-технологической сферах выступает развитие евразийских технологических платформ – ЕТП (распоряжение Совета ЕЭК от 18 октября 2016 г. №32 «О формировании приоритетных евразийских технологических платформ»). В качестве приоритетных евразийских технологических платформ заявлены 11 таких платформ по следующим направлениям: авиакосмические технологии; медицинские и биомедицинские технологии, фармацевция; информационно-коммуникационные технологии; фотоника; добыча природных ресурсов и нефтегазопереработка; экологическое развитие; сельское хозяйство, пищевая промышленность, биотехнологии; промышленные технологии

¹³ Промышленная кооперация и производственные цепочки в ЕАЭС. Аналитический центр по внешней торговле Минпромторга России. Презентация на заседании Комитета ТПП РФ по вопросам экономической интеграции и внешнеэкономической деятельности 11 октября 2017 года. – URL: <http://tpprf.ru/ru/interaction/committee/komved/#zasedaniya> (дата обращения 23.10.2017).

(легкая промышленность). Определены учредители, руководящие органы, цели, задачи и основные направления деятельности ЕТП, планы действий и перечни совместных инновационных кооперационных проектов на 2017 г.

Исходя из вышесказанного, в настоящее время работа ЕЭК по содействию развитию кооперации на пространстве ЕАЭС носит исключительно информационно-исследовательский и организационный характер. Причем результаты невелики из-за отсутствия действенных стимулов и четких алгоритмов реализации союзных инициатив, какого-либо бюджета ЕАЭС (кроме НИР) на эти цели. По проекту создания евразийской сети промышленной кооперации и субконтрактации есть опасения бизнеса относительно несанкционированного раскрытия и утечки к потенциальным конкурентам информации, представляющей коммерческую тайну.

Существенным сдерживающим фактором для развития производственной кооперации с Казахстаном служат правила о запрете перемещения по территории ЕАЭС товаров, в отношении которых в Казахстане применяются более низкие ставки пошлин, чем установленные ЕТТ ЕАЭС. Недостаточно проработанные вопросы о дальнейшем использовании товаров, подвергшихся на территории Казахстана разной степени переработки, могут стать непреодолимым барьером для полноценного включения промышленного потенциала Казахстана в кооперационные цепочки в ЕАЭС.

Поэтому актуальным является перевод поддержки кооперации на системную регуляторно-правовую основу, придание дополнительных импульсов развитию совместного предпринимательства на пространстве ЕАЭС за счет определения в документах Союза особого статуса кооперационной продукции, а также благоприятных условий ее доступа к рынкам госзакупок и программам государственной поддержки в странах-членах.

Нужна фактически опережающая либерализация взаимного доступа на рынки для совместно произведенной, кооперационной продукции, даже если большая часть стоимости такой продукции произведена в других странах ЕАЭС. Речь может идти о разработке специальных преференциальных правил происхождения в интересах кооперационной продукции стран ЕАЭС для обеспечения безбарьерного (в полном соответствии с принципом национального режима) взаимного доступа к рынкам госзакупок, госпрограммам поддержки производства и экспорта стран – участниц Союза. Такие правила послужат стимулом для развития производственно-технологической, научно-технической кооперации на пространстве ЕАЭС, что, в свою очередь, будет продвигать интеграцию на микроуровне.

Практическая реализация данной меры возможна путем принятия ЕЭК решения о Сертификате союзного производства для совместно выпускаемой, кооперационной продукции, выдаваемом при соблюдении установленных требований одним из подразделений ЕЭК (с привлечением, при необходимости, экспертизы Делового совета ЕАЭС).

В контексте поддержки евразийского предпринимательства целесообразно изучить вопрос о включении в повестку развития интеграции аспектов, связанных с созданием так называемых евразийских компаний (подобный опыт есть в ЕС), учреждаемых на основе союзного права и по определению пользующихся национальным режимом без изъятий и ограничений в государствах-членах.

Основной вывод из проведенного анализа заключается в том, что Россия располагает потенциалом для расширения участия в региональных и глобальных цепочках стоимости, но для его реализации требуется институциональная и регуляторная настройка, прежде всего внутри самой России и ЕАЭС.

БИБЛИОГРАФИЯ:

Доклад Российского экспортного центра и Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации «Применение режима переработки на таможенной территории в России: проблемные вопросы для экспортеров». Июль 2017. – 33 с. – URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/13971.pdf> (дата обращения 21.10.2017) (Doklad Rossijskogo jeksportnogo centra i Analiticheskogo centra pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii «Primenenie rezhima pererabotki na tamozhennoj territorii v Rossii: problemnye voprosy dlja jeksporterov». Ijul' 2017. – 33 s.)

Международная торговля: вчера, сегодня, завтра: монография/колл. авторов; отв. ред. А.В. Шишкин. – Москва: РУСАЙНС, 2017. – 234 с. (Mezhdunarodnaja trgovlja: vchera, segodnja, zavtra: monografija/koll. avtorov; отв. red. A.V. Shishkin. – Moskva: RUSAJNS, 2017. – 234 s.)

Промышленная кооперация и производственные цепочки в ЕАЭС. Аналитический центр по внешней торговле Минпромторга России. Презентация на заседании Комитета ТПП РФ по вопросам экономической интеграции и внешнеэкономической деятельности 11 октября 2017 года. – URL: <http://tpprf.ru/ru/interaction/committee/komved/#zasedaniya> (дата обращения 23.10.2017) (Promyshlennaja kooperacija i proizvodstvennye cepochki v EAJeS. Analiticheskij centr po vneshnej trgovle Minpromtorga Rossii. Prezenciacija na zasedanii Komiteta TPP RF po voprosam jekonomicheskoj integracii i vneshnejekonomicheskoj dejatel'nosti 11 oktjabrja 2017 goda.)

Спартак А.Н. Возможности российской экспортной экспансии и ее государственная поддержка//Российский внешнеэкономический вестник. 2017, № 5, с. 3-18 (Spartak A.N. Vozmozhnosti rossijskoj jeksportnoj jekspsanii i ee gosudarstvennaja podderzhka//Rossijskij vneshnejekonomicheskij vestnik. 2017, № 5, s. 3-18)

Спартак А.Н. Торговая политика в интересах экономического роста//Международная экономика. 2016, № 11, с. 31-40 (Spartak A.N. Torgovaja politika v interesah jekonomicheskogo rosta//Mezhdunarodnaja jekonomika. 2016, № 11, s. 31-40)

Global Value Chain Development Report 2017. Measuring and analyzing the impact of GVCs on economic development. The World Bank, 2017. – 189 p. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/reser_e.htm (дата обращения 23.10.2017).

World Trade Statistical Review 2017. WTO, 2017. – 177 p. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/statis_e.htm (дата обращения 10.10.2017).

